

АЛЬФРЕД БРЕМ

I

В 1884 году телеграф разнес по всему образованному миру печальную весть о преждевременной кончине знаменитого натуралиста доктора А. Брема. Эта удручающая новость дошла и до нашего Барнаула, и не было ни одного образованного человека, который бы не пожалел в душе эту знаменательную личность, не погрустил бы о такой утрате ученого мира. Все до единого, как знакомые лично, так и не видавшие Брема, одинаково оплакивали такую потерю. Везде, куда только ни придешь, толковали о ранней смерти ученого. Многие говорили о его бессмертных трудах, и немало было таких, которые возлагали надежды на его будущие записки. Но с этой печальной вестью все последние упования исчезли, как дым, и всякий говорил или только думал, что судьбы Господа неисповедимы, зная здоровую натуру доктора Брема.

Альфред Брем, автор столь известного сочинения «Иллюстрированная жизнь животных», которое переведено на все языки цивилизованного мира, родился 2 февраля 1829 года и скончался 13 ноября 1884 года в Рейтендорфе, на 55 году жизни.

Сказав такой коротенький панегирик от всего теплого сердца, мне хочется почтить доброю памятью эту выдающуюся личность и передать в своих воспоминаниях хоть о тех днях, которые Брем провел в Барнауле; но и в такой короткий период он, познакомившись лично со многими, оставил и в этом небольшом кружке сибиряков самые теплые чувства дружбы и неподдельного братского расположения.

Весною 1876 года мы с радостью узнали, что Брем уже путешествует по южной окраине Алтая и в скором времени будет в Барнауле. Я тогда еще служил в Сузунском медеплавильном заводе и соблезновал о том, что лично не увижу такого популярного человека. Какова же была моя радость, когда меня, как управляющего заводом, потребовали по делам службы в Барнаул. Я ожил надеждой повидаться с Бремом, а с этим чувством явилось упование провести с ним несколько дней и побывать на охоте, так как о таком предпо-

ложении я слышал ранее, когда еще только ожидали приезда любимого натуралиста.

Как известно, ученая экспедиция в Западную Сибирь организовалась на средства германского правительства и состояла под управлением ученого мужа О. Финша, а доктор Брем и граф Вальдбург-Цейль были как бы его сотрудниками и членами экспедиции. Едва ли только путешествию Брема не содействовало в материальных средствах и наше правительство. По крайней мере мы слышали о такой субсидии еще раньше приезда дорогих гостей в Барнаул, а что касается особых распоряжений по всем тем управлениям, где должны побывать ученые люди, были предварительные сообщения в том смысле, чтоб местные власти оказывали чужеземным гостям всевозможное содействие, предупреждая и исполняя их желания и требования. Нечего и говорить, что барнаульская интеллигенция, без всяких настояний, хорошо понимая обязанности порядочного общества, чествовала путешественников, как только могла, по своим средствам.

Кажется, в конце мая или начале июня, хорошенько не упомяну, ожидаемая экспедиция прибыла в Барнаул и поместилась в особо приготовленной квартире, хотя и невзрачной, но на главной, Иркутской улице, в самом центре когда-то знаменитого «Златогорска», так неправдоподобно окрашенного досужими пустозвонами всевозможными вымыслами, которые, к сожалению, читает эксплуатируемая публика и верит этим сказаниям, похожим на сказки из «Тысячи и одной ночи».

Во время этого посещения на Алтае был горным начальником Юлий Иванович Эйхвальд, крайне любезная и симпатичная личность, которая умела радушно принять и угостить дорогих гостей. Нечего и говорить, что г. Эйхвальд виделся с Бремом каждый день то у себя, то у него на квартире. Когда же начальник делал более дружеский, нежели официальный обед, чествуя ученых путешественников, то и мы, собравшиеся в Барнаул управляющие со всех концов обширного Алтая, участвовали за этим столом и лично покороче познакомились с достойными представителями науки. Нельзя не заметить однако же того, что многих из нас, за исключением г. Эйхвальда, кровного немца, стесняло незнание немецкого языка настолько, чтоб можно было говорить на этом диалекте. По этому случаю нам приходилось почти только слушать нескончаемые рассказы красноречивого Брема и не раз пожалеть о том, что не можем лично делиться своими впечатлениями с гостями, а затруднять постоянно хозяина, как переводчика,

было не совсем удобно. Впрочем, когда мы порядочно подвыпили, то уже не стеснялись и говорили где одними главными словами, где пантомимой лица, где руками, и хохоту не было конца.

Все три путешественника были очень простые, веселые и симпатичные люди, а в особенности Брем. Он всех присутствующих смешил до слез, в особенности когда на столе оказывалось порядочное количество пустых бутылок со всевозможными русскими и заграничными этикетками. Все-таки надо сказать, что господа Финш и граф Вальдбург-Цейль несравненно серьезнее и как бы черствее весельчака Брема, к тому же они не обладали той развязностью и даром красноречия, что было в избытке у последнего. Вообще эти личности как-то не так располагали к себе, как Брем, которого и они слушали с видимым удовольствием и как бы гордились своим красноречивым собратом. Финш и граф как-то держали себя не так, что вытекало из их натуры, - что с ними и на «втором взводе» приходилось быть на приличной дистанции, тогда как Брем сразу так сердечно, братски располагал к себе, что невольно представлялось, будто ты давным-давно знаком с этим милейшим человеком. Общее между ними было то, что они все трое не стеснялись выпивкой и могли перепить всех нас, взятых вместе, нисколько не выходя из границ дружеской беседы, а будучи, что называется, только «веселы». Но и тут Брем отличался от своих товарищей: он пил гораздо больше и был все-таки не слабее их.

Нельзя забыть того завтрака, 13 июня, в день святого Антония Падуанского, у аптекаря г. Сандзер, на котором гости кушали, не стесняясь и удивлялись изобилию сибирского угощения в том смысле, что на громадном, прилично сервированном столе, кроме иноземных закусок, стояли на блюдах большие части телятины, ростбифа, ветчины, целые поросята, индейки, галантированная* нельма и прочие принадлежности сибирского жирноядения. Недоставало только пельменей, но этим туземным кушаньем угостили дорогих путешественников впоследствии, и пельмени им очень понравились, но не совсем удобно отразились на непривычных немецких желудках, так что Финш и граф оба порядочно прихворнули, только один Брем благополучно вынес и эту пробу сибирского хлебосольтва.

На завтраке Брем был крайне весел, пил и ел за троих и в это же время рассказал в юмористическом духе целую историю о

---

* *Галантип* - холодное заливное в светлом студне.

«пище святого Антония», что и подобало при таком удобном случае.

Однако же, несмотря на эти дружеские и почти ежедневные угощения, Брем вставал довольно рано и находил время вести свои путевые заметки прямо набело и тотчас посылать их своей супруге в Берлин для печати.

Он писал эти записки или письма всегда стенографическим способом чрезвычайно скоро, что, конечно, крайне сокращало и время, и труд. Письма такого сорта я видел своими глазами и, конечно, не мог не удивляться талантливости и изумительной способности этой замечательной личности.

Что Брем умел читать по-русски, то и в этом мне пришлось убедиться лично. Когда мы познакомились с ним поближе, мне захотелось презентовать ему свой мизерный труд, и я, по совету г. Эйхвальда, поднес ему свою книгу в хорошем переплете. Брем дружески поблагодарил меня за подарок, крепко-крепко потряс мою руку и, взяв книгу, громко и четко, с расстановкой, прочитал по-русски заглавие - «За-пис-ки охо-тни-ка Во-сточ-ной Си-би-ри»; а когда увидал на первом пробельном листке разборчиво и четко написанную мною приличную надпись и четверостишие, то обратил внимание на последнее и начал было читать, но не мог, а потому обратился ко мне с вопросом: «Вас ист дас?» Я сначала прочитал ему по-русски.

Брем! Муж познаний и науки,
Когда заснуть не можешь ты -
Возьми, брат, эту книгу в руки
И сон прервет твои мечты...

Он, видимо, не понял и потряс головой, а когда я тут же передал ему немецкий перевод, сделанный мне стихами же доктором Гопфенгаузом*, то Брем расхохотался, замахнулся на меня книгой, обнял по-братски и поцеловал три раза. Затем подали кофе, он бросил свои занятия и показал мне боевые доспехи - два превосходной работы двухствольных дробовика и такой же штуцер. К сожалению, у одного дробовика была переломлена в шейке ложа, так что Брем ужасно кипятился, ругая наши сибирские, пути на перекладных экипажах. Он спросил меня, можно ли в Барнауле поправить эту поломку и когда получил отрицательный ответ, то с грустью покачал головой, посмотрел на ружье, потом запел какую-то веселую песенку и аккуратно уложил ружье в приспособленный ящик.

---

* Гопфенгауз Г.Д. - барнаульский городово́й врач.

Впрочем, он тут же объяснил мне, что не особенно соболезнует о том, что печальный жребий выпал на то ружье, которое хуже, потому что его любимая двухстволка работы мастера Лейе, 16-го калибра, цела, и он ее бережет, как зеницу ока. Впоследствии я убедился, что Брем говорил правду, так как эта централька была великолепно кучно, резко и далеко, вследствие чего я и просил его помочь мне приобрести такую же от того же мастера. Он с удовольствием обещал, но только тогда, когда вернется в Берлин из экспедиции, а в это время написал мне только адрес, куда и как обратиться. Когда я узнал о возвращении Брема домой, то немедленно послал по указанному адресу 200 рублей и просил г. Лейе выслать мне ружье точно такое же, как у Брема. Дело кончилось тем, что я ждал более года, не имея никакого извещения, почему писал повторение мастеру, а потом уже жаловался Брему, но он в это время был в Австрии и уведомил, что поругал за неисправность Лейе, который обещал ему тотчас исполнить мой заказ. Но как раз в эту пору у нас в России вышли строгие меры относительно приобретений огнестрельного оружия, и я только через московское комиссионерство да заграничное знакомство своего товарища едва-едва выходил этот заказ. Стоил он мне более 250 рублей, но полученное ружье и вполнину не равнялось против того, каким облагодал Брем.

В день рождения нашего сослуживца и собрата по оружию, 14 июня, собралась большая компания у виновника торжества Владимира Александровича Карпинского. Конечно, любезный хозяин пригласил и дорогих заграничных гостей, но на семейный праздник явился только один Брем, потому что его спутники прихварывали после понравившихся им пельменей. Вечер прошел крайне оживленно и весело; Брем, по обыкновению, много рассказывал, смешил и любезничал с хорошенькими дамочками. Тут мы пригласили его на дупелиную охоту, с тем, чтоб ехать на лодке завтра утром. Брем крайне любезно принял наше предложение и пожелал тут же узнать, кто именно из нас поедет охотиться, чтобы сейчас же ближе познакомиться с ними. Желających ехать нашлось более 10 человек, так что дорогой наш гость даже удивился такому числу присутствующих охотников и весело спрашивал, кто и как из нас стреляет.

Получив сдержанные ответы, он несколько прихвастнул, посмеялся над нашей стрельбой и сказал, что он, конечно, всех нас обстреляет, потому что бьет дупелей без промаха.

Уговорившись окончательно между собою, мы решили ехать

на трех лодках, с тем, чтобы на одной путешествовала за нами приличная закуска с необходимой на этот раз прислугой. Окончив совещание, мы попросили Брема быть готовым к пяти часам утра и ждать лошадей, на которых он должен будет приехать к сборному пункту. Брем, поблагодарив еще раз за любезность, сказал, что он не проспит и аккуратно прибудет к назначенному месту.

II

В утро 15 июня тихо и матово выкатилось солнце из темной дали обширного Заобья. В воздухе царила тишина и только с реки потягивало приятным влажным холодком. Серые чайки плавно носились над Обью, как бы бесцельно кружились или тряслись над одним местом и бойко бросались в воду на назначенную жертву. Приготовленные лодки давно стояли на месте у берега, ожидая отъезда, но было еще рано, а потому удалые гребцы сидели беззаботно на берегу, толкуя между собою, да покуривая коротенькие «носогрейки». Город пока спал; только заботливые дворники то подметали улицу, то гремели пустыми бочками, отправляясь за обской водой, потому что вода Барнаулки нечиста и жестка. Растрепанные стряпки выгоняли в калитки коров, то благословляя, то прогоняя увесистым прутом на поле; молочные буренушки, то, тихо помыкивая, выходили на улицу, то, задрав хвосты, опрометью выскакивали из дворов и, делая разные неграциозные «антраша», бежали в переулок... Кое-где на кухнях топились уже русские печи, и дым ровными столбиками поднимался над пробуждающимся городом. Некоторые обитые металлом кресты на церквях горели ясными звездочками от лучей тихо показывающегося солнышка. По скотским проулкам поднималась легкая пыль и слышалось мычанье коровушек, оставляющих за собой характерный запах на свежем утреннем воздухе...

Было уже около пяти часов, когда я подъехал с разными принадлежностями к сборному пункту. Хозяин дома, уважаемый старичок Козлов, вышел навстречу, совсем уже готовый к отъезду, и, приветливо поздоровавшись, радостно сказал.

- Ну и день будет богатый!

- А кто сказал вам об этом?

Как кто сказал? Да разве вы не заметили, как плавно и без блеска выплыло солнышко, а это, батенька, у нас, стариков, первая примета. А вот как вынырнет вдруг да заблестит сразу, ну то и говори, что толку не будет.

- Савелий Максимович, все ли у нас готово?

- Мое все в исправности, лодки на месте, люди готовы, а что касается до других, то не знаю.

Показалась телега, и наш штатный официант Афанасий Панкратьевич появился со всеми принадлежностями полевой обстановки, с приличным количеством разной закуски и немалым числом разнообразных бутылок, из которых некоторые стояли в ведрах, наполненных льдом и только выказывали свои залитые особым сургучом горлышки. Поговорив с нами, он проехал на берег и стал укладываться в приготовленную для этой цели особую лодку.

- Интересно, много ли охотников соберется? А желающих было немало, - сказал я.

- А вот посмотрите, что и половины не будет.

- Ну? Не может этого быть.

Всегда так бывает, я уж, откровенно говоря, привык, - сказал Козлов.

В это время к нам подъехали трое. Пошли приветствия, толки, и все мы с нетерпением поглядывали вдаль по Иркутской улице, где у квартиры Брема стоял наш первый извозчик Федор Воронин.

На колокольне пробило пять часов.

Мы уселись на скамеечку у ворот и все еще поджидали других товарищей, но, увы, более не было никого, а вместо охотников, верхом и пешком, прилетели посланцы с разнокалиберными записочками. В этих цидулах мы прочитали различные мотивы вежливого отказа. Кто проспал и не подготовился, у кого заболела головушка, кого уговорила жена, а кого и «мама не пустила».

Ну, что? Правду я вам говорил? - сказал Козлов, лукаво посмеиваясь.

Мы только пожали плечами, подтрунили над многими собратами и заметили, что к Воронину из подъезда вышла здоровенная фигура Брема, положила на длинные сибирские дроги охотничьи принадлежности и покатила в нашу сторону.

Когда подъехал к нам экипаж, мы все встали и дружески приветствовали Брема, но он окинул нас опытным взглядом и весело заметил, что еще вчера на вечере составил себе понятие о тех личностях, которые действительно собрались ехать и тех, кои давали свое согласие из одного приличия.

А это отчасти и лучше, заметил он шутя, потому что большое количество охотников не везде возможно и удобно, особенно на дупелиной охоте.

Мы покурили, немного побеседовали, затем весело отправились к лодкам.

Оказалось, что нас собралось всего шесть человек: Брем, Савелий Максимович Козлов, аптекарь Мориц Адольфович Сандзер, инженер Владимир Алексеевич Таскин, лесничий Антон Викентьевич Турчанович и я. Тут надо заметить, что г. Сандзер в сущности не охотник, а поехал с нами из желания чувствовать дорогого гостя и как переводчик, а г. Таскин - приятно провести время в дружной компании и побывать в обществе Брема, этой мировой известности.

Так как погода стояла тихая, а приготовленная лодка была настолько солидных размеров, что могла свободно принять и еще, пожалуй, такое же количество охотников, то мы все очень удобно разместились по лавочкам судна, комфортабельно уселись на ковры и подушки так, что Брем был у нас в середине, как раз на первом месте от рулевого. Отсюда ему было удобно наблюдать широко видимые окрестности берегов Оби и говорить со всеми нами.

Превосходное июньское утро, радостно отражаясь на всех нас, как-то располагало говорить без умолку и замечать в окрестностях те частности, которых мы как бы не видали прежде, точно их тут никогда не было. Все это мы заметили над собой сами, тут же посмеялись друг над другом и приписали такое состояние особому настроению души, которая в известный момент восторженнее относится ко всему тому, что прежде, при других условиях, казалось обыденной вещью. Брем восхищался грандиозностью громадного разлива воды на широкой сибирской реке и пытливо окидывал взором эту массу вод, клубящуюся до пены, вертящуюся местами воронками и все это, вместе взятое, плавно несущееся к далеким берегам холодного моря.

Надо заметить, что в это время стояла «коренная» вода, которая обыкновенно в нашем крае подходит несколько позже весеннего водополюя. Бывает однако же и так, что коренной разлив застаёт весеннее повышение воды, является «водой на воду» - и тогда все окрестности громадной реки покрываются необозримым морем, так что все луговые места и их небольшие возвышенности затопляются сплошь водой. Лесные колки и острова затопляются иногда настолько, что видны только одни верхушки деревьев, а пароходы ходят прямым курсом и без всякой опасности переплывают заросшие кустарником острова и гривы. В такое время долина Оби представляет собой что-то грандиозное, с чем шутить нельзя, а путешествуя по бурным волнам, заставляет быть крайне осторожными и умелых пловцов. Малейший риск, а

тем более неосторожность ведут к неминуемой опасности и опытного человека.

По замечанию народа «коренная» вода обыкновенно является в то время, когда начинает цвести шиповник или «заплачет» береговая ива. Случается, что этот наплыв приходит валом и вдруг затопляет все окрестности, а несущаяся масса воды до того поднимается на середине «опупком», что вся река превращается точно во взбитую перину в синей наволочке, которая своей необъятной громадностью поражает взор каждого наблюдателя. При быстром же спадении воды бывает совершенно обратная картина. Тогда русло Оби кажется логом, течение усиливается, и вся лишняя вода стремительно сливается с затопленных лугов поперек к течению реки. В первом случае всякий пловец показывается как-то высоко на воде и точно плывет по синему холму, а в последнем и большие лодки кажутся маленькими ладьями, несущимися по низкой долине.

В тихое утро плавно и бойко плыли наши лодки вниз по широкому раздолью коренного разлива реки. Было чем полюбоваться на этом просторе; все это рельефно отражалось на состоянии духа Брема, и он все восхищался многоводной рекой, сравнивая ее с другими, а, цепляясь за эту нить, много рассказывал о своих путешествиях. Скоро мы наискось пересекли все водное лоно и пристали на незатопленные гривы противоположного берега, около речки Чебачевки. Тут мы вылезли из лодки, поправились и любезно указали Брему лучшие места, где можно встретить дупелей.

Собак с нами не было, и мы попросту, разместясь рядом на позволяющих по месту дистанциях, пошли около мочажин. Скоро начали срываться дупеля и пошла пальба. Я шел рядом с Бремом и, по счастью, нисколько не торопясь, убил уже трех, между тем, как чествуемый нами гость начал сначала не выдерживать и пуделять при удобных выстрелах.

Хе! Доннер Веттер!* - то и дело восклицал Брем, провожая глазами улетающего долгоносика и на ходу заряжая свою центральку.

Но вот он, сделав удачный дуплет, громко закричал «Ура! ура!» и тут же, как нарочно, из-под самых его ног вылетел дупель; Брем приложился и спуделял снова.

- Хе! Швайнерай! Швайнерай!** - кричал он уже тише и хохотал над своей неловкостью, видя, что мы по первому крику

---

* Черт возьми!

** Свинство!

остановились и обратили на него внимание. Мы нарочно не трогались с места, закурили папиросы и как бы дали возможность поправиться дорогому гостю. Он воспользовался этой паузой, утер с лица пот и закурил сам. Затем мы отправились далее, но скоро прошли незатопленные гривы и должны были воротиться, чтоб уехать на другое место, где, по нашему предположению, можно было встретить более обширное поле с наилучшим запасом дичи.

Подойдя к лодкам, мы любезно предложили выпить «шнапсу» и «заморить червяка». Брем тотчас обратил внимание на это последнее выражение и попросил нашего переводчика г. Сандзера объяснить ему, что оно значит; затем просил дословного перевода и, получив таковой на немецком языке, записал в свою памятную книжку.

На Чебачевке нам удалось убить только несколько долгоносиков, так что собственно охота не интересовала, а потому Брем рассказывал свои похождения, пил, не стесняясь, преимущественно красное вино и изрядно закусывал сибирскими пирожками. Он говорил, что в Германии таких вещей не готовят и что их «фрауен»* пробавляются более на картофеле и колбасе.

Но вот все уселись в лодку, гребцы дружно налегли на весла, и мы снова покатали вниз по воде.

Наш дорогой собрат был крайне весел и в игривом расположении духа, а потому говорил без умолку и смешил нас различного покроя анекдотами.

Между прочим он рассказал нам, что однажды в одном богатом доме были гости, которые попросили хозяйку, превосходную музыкантшу, сыграть что-нибудь на рояле. Она пошла к инструменту, а гости тихо расселись по стульям и диванам. Между тем хозяйка, перебирая кипу нот, никак не могла найти те, какие ей понадобились. Многие помогали ей в этом, но безуспешно - ноты точно провалились сквозь землю. Наконец, муж хозяйки заметил, что одна особа сидит выше других на стуле около рояля; он тотчас догадался, в чем дело, подошел к даме и попросил ее встать, говоря, что она сидит на тех самых нотах, которые составлены для фортепьяно, а вовсе не для духовых инструментов.

Так как мы этого курьезного рассказа не слышали ранее, то эффект был полный, и с тех пор этот анекдот иначе не назывался в Барнауле, как «бремовским».

---

* Женщины.

Между прочими рассказами Брем предложил нам, уже как охотникам, такой вопрос:

Если за зайцем гонятся две собаки - одна черная, другая белая, то почему он более боится последней и удирает преимущественно от белой?

Мы делали разные предположения и никак не могли догадаться, в чем дело. Тогда Брем, смеясь от души, объяснил нам, что испуганный заяц все-таки соображает и боится белой собаки потому, что он воображает, что черная бежит за ним в одежде, а белая наоборот - сбросила с себя «фрак» и дует в одной сорочке, что, конечно, облегчает ее бег.

На это Сандзер тотчас нашелся и задал ему вопрос такого сорта.

Ну вот вы, мосье Брем, натуралист, так скажите, пожалуйста, под какой куст преимущественно прячется заяц во время дождя?

Брем в свою очередь, как ни ворочал мозгами, не смог, как и мы, отгадать соли вопроса; он делал различные предположения, но не попадал на суть и, наконец, гомерически расхохотался, когда Сандзер шутливо сказал ему, что так как идет дождь, то несчастный заяц прячется преимущественно под мокрый куст, а не под какой-либо особой породы...

Когда мы подъезжали к так называемому Токаревскому лугу, то нам попался на ветке кустарникового побережья Оби «синий воробей» вид зимородка. Брем тотчас заметил эту довольно редкую в Сибири птичку и убил ее для своей коллекции.

Он просил нас достать замечательное гнездо этой пичужки, но никто из нас не дал такого обещания, потому что синий воробей делает свое гнездо в крутых берегах, в земле, и собирает его чрезвычайно искусно из самых мельчайших костей добываемых им рыбок, за которыми он, как пуля, бросается в воду. Многие пробовали и ранее приобрести это замечательное гнездышко, но никогда не могли добыть его в целости, так как в рыхлом грунте обваливающаяся земля всегда портила эту затейливую и нежную работу миловидной птички. У меня как-то была только часть такого гнездышка и нельзя было не удивляться той способности к труду, какими снабдила мудрая природа синего воробья для такой кропотливой работы, чтоб собрать и склеить свой домик из таких маленьких рыбьих косточек.

Гнездо нашего зимородка всегда пахнет рыбой; даже самая земляная норка несет этим неприятным, смердящим запахом.

Всякий наблюдательный здешний охотник, конечно, не один раз видал, как красивая птичка в шелковисто-синем оперении неподвижно сидит где-нибудь на ветке или сучке неподалеку от своего гнездышка, смотрит в воду и караулит добычу. Синий воробей и при виде проплывающих охотников или рыбаков неохотно оставляет свой пост, или же быстро перелетает прямым полетом куда-нибудь в укромное место, хитро прячась от наблюдательного глаза. Сколько раз случалось, быв на воде, недоумевать при неожиданном бульканье на ее поверхности, не видя, отчего оно произошло. Точно кто пошутит и бросил с берега камешком. Невольно оглянешься и посмотришь в сторону, но при дальнейшем наблюдении увидишь, что это булькнул в воду не камешек, а синий воробей, который делает этот маневр так стремительно и вместе с тем тихо, что надо удивляться его способности бросаться на свою жертву стрелой. Выждав несколько секунд, вы увидите, что где-нибудь тут же распахнется снизу вода и из нее вырвется, большей частью с добычей, синяя птичка, которая моментально скроется в кусты, сядет на веточку, отряхнется и начнет закусывать пойманной рыбкой или же понесет ее в свою норку, чтобы покормить своих деток. Если же наблюдатель подкараулит момент появления птички из воды, то он только разве услышит глухой всплеск и увидит на поверхности небольшие круги, расходящиеся от центра и помаленьку теряющиеся на тихом водяном зеркале.

III

Часов около десяти утра мы уже причалили к Токаревскому лугу или, лучше сказать, большому Обскому острову, который тянется на несколько верст, занимая большую поверхность по квадратному измерению. На нем пропасть сенокосных дач, лесных колков, всевозможной формы озер, береговых кустарных зарослей и таких грив, какие не заливаются и коренной водой. Тут бывает иногда множество дупелей, которые гнездятся и выводят молодое поколение, несмотря на то, что бьют их с самой весны охотники и переводят промышленники, несмотря на запрещение ловить силками и сетями на токовищах. Промышленность эта ужасна в смысле истребления дичи, а исполнители закона слишком слабы для того, чтобы преследовать этот варварский способ.

Нередко сами блюстители порядка заведомо покупают из первых рук давленных дупелей и просят промышленников снова приносить дичь в их широкие ворота. С ранней весны промышленни-

ки ездят по известным местам и «выслушивают» дупелей, где они «трещат» по вечерам; этим способом отыскивают тока и затем разбивают на них свои снасти, - преимущественно узкие полотнища сетей, связанных из тонких ниточек и поставленных «на слаби» на маленьких колышках, - вот и вся премудрость. Но эта премудрость так убийственна, что забравшийся промышленник в корень уничтожает всех дупелей на току, ловит их иногда целыми сотнями, связывает десятками или как придется, вешает на куст или шест, стреляет в кучку мелкой дробью - дескать, «не давлены, а стреляны, смотрите, вот доказательство налицо», и со спокойной совестью едет прямо в город, где и продает, смотря по времени и конкуренции, от 5 до 20 копеек за парочку. Таких дупелей покупают с охотой не только исправники, мировые «привередники», но и повыше их власти и блюстители закона. А кстати сказать, сколько миллионов яиц утиных, гусиных и тетерых собирается весной народом - и все ничего! Точно никто об этом и не знает; зато многие отчеты по губерниям как красно говорят о повсеместном уменьшении дичи и плачут об этом формальным порядком.

Не замечая сучка в своем глазу, и мне приходится сказать, как охотнику, что и мы на этот раз поехали на охоту в самое неблагоприятное время, но это произошло нам потому только, что приходилось чествовать такого проезжего гостя, как доктор Брем.

Выйдя на Токаревский берег, мы разместились тем же порядком и, по указанию старого охотника Козлова, превосходно знающего местность, отправились по тем незатоленным лугам и гривам, где преимущественно водились дупеля.

Брем ходил по-прежнему рядом со мной, и в то время, когда начали чаще срываться с мочагов дупели, он тотчас убавлял шаг и постоянно покрикивал мне и другим: «Лангзам! Лангзам*!»

Тут он стрелял очень порядочно и пуделял редко. Никогда не забуду я того случая, как из-под моих ног тихо вылетел коростель и с отвислым задом, болтаясь и неуклюже, потянул прямо передо мной и Бремом. Мы оба выстрелили по два раза по очереди и все-таки не убили этого негодного каналью, будто нарочно подразнившего нас. Брем остановился, снял шляпу и, кланяясь отлетающей и напуганной нашими салютами птице, шуточно послал вдогонку массу всевозможных немецких проклятий, наконец, заключил чистойшей русской бранью, - затем расхохотался, плюнул и попросил остановиться, чтоб

---

* Буквально: медленно.

покурить. Между тем он свернул комочки газетной бумаги, запихал их в стволы и моим шомполом продавил эти пыжи сквозь свою централку, чтоб очистить ее от накопившейся грязи. Я все время стоял около него, заряжал свое «Дау» и не мог удержаться, чтоб не хохотать, вспоминая наши пуделя по какому-то паршивому коростелишке и всю штуку, проделанную веселым натуралистом. Брем, отлично понимая, над чем я смеюсь, сказал, что он, приехав в Россию, прежде всего научился ругаться.

Пройдя изрядное пространство и порядочно поколотив дупелей, мы заметили, что они не в малом количестве перелетели на особую гриву, отделенную от нас целым лиманом заливной воды. Мы позвали людей и помогли им перетащить с берега лодку по сухому лугу через несколько десятков сажен, чтоб спустить ее на этот лиман; затем любезно предложили гостю переплыть на ней к той гриве, куда перекочевали разогнанные нами долгоносики.

Брем охотно принял предложение и отправился туда один, а мы нарочно остались, чтобы дать ему возможность вдоволь натешиться и отвести охотничью душу. Лишь только он попал на эту гриву, как загремели частые выстрелы и только некоторые дупелишки, срываясь от Брема, перелетали опять на нашу сторону и, конечно, тут же погибали то от одного, то от другого члена нашей компании. Наконец, перестреляв и разогнав всех, Брем, усталый и мокрый от пота, переехал к нам, крайне довольный своей охотой.

Мы предложили ему пока покончить и отправиться завтракать, но тут снова пришлось тащить посуху лодку, и Брем лично принял участие в этой работе, так что наше судно полетело по траве, как по воде и скоро очутилось на прежнем месте.

Придя к удобно устроенному привалу под сенью густых кустов, мы прежде всего смыли с себя пот и кровь, сбросили лишнюю одежду и, с особым удовольствием пропустив шнапсу, развалились на коврах и подушках.

Но вот поспел чай и яйца всмятку, «в мешочке» кому как любо, а из откупоренных корзин и ящичков вылезла всевозможного сорта закуска. Так как было уже более 12 часов, то все, проголодавшись, ели на славу и пили, кому чего хотелось. Наконец, вылезли изо льда заветные бутылочки, тихо шипя, откупорились головчатые пробки, запенились бокалы холодненьким редерером, и мы дружно провозгласили тост за здоровье нашего дорогого гостя; раздалось громкое «ура», которое подхватила вся наша прислуга, и этот душевный возглас далеко полетел по все-

му Токаревскому лугу. Брем, соскочив с ковра, начал всех нас обнимать, целовать и благодарить самым сердечным тоном, высказывая свое братское спасибо.

Понятное дело, что обоюдные тосты следовали один за другим, шампанское лилось, закуска уничтожалась, и все были в самом веселом расположении духа. Рассказам не было конца, но вся беда заключалась в том, что мы плохо объяснялись по-немецки, а Брем очень мало понимал по-русски, - зато всевозможная мимика была в самом обширном приложении и рельефно дополняла недосказанное или что-либо непонятное.

Между прочим, я проговорил Брему русскую непечатную скороговорку, напоминающую о том, как щебечет ласточка. Сандзер перевел Брему содержание слов и, вероятно, довольно удачно, так как знаменитый натуралист пришел в восторг от самого подражания и в свою очередь сказал на этот же мотив речитативный стих из сочинений какого-то неизвестного немецкого поэта. Словом, нашему общему веселью на охотничьем привале не было конца, но все это вышло так прилично и чинно, что не проявлялось ни одной черты, которая напомнила бы о какой-либо неводержанности пьяного разгула, напротив, все были в своей тарелке и только дружески чествовали своего дорогого собрата.

Брем все это хорошо понимал и потому еще более ценил приятельскую овацию, где не было ни одного пятнышка. Он с особенным удовольствием пил, как природный сибиряк, хороший чай и не забывал с бокалом в руке благодарить не только всех нас, но предложил тост за расторопного официанта Афанасия Панкратьевича и Федота Спиридоновича, так ловко управлявшего кормовым веслом на нашей лодке.

На привале мы пробыли, вероятно, не менее трех часов, отдохнули как следует и, наконец, собравшись с новыми силами, сев в лодку, отправились на другое место. Так как переезд был не маленький, то развеселившийся Брем всю дорогу то рассказывал нам немецкие анекдоты, то напевал скабрзные шансонетки. Одну из последних, крайне игривую по содержанию и мотиву, он, по просьбе лесничего Турчановича, записал ему в книжку на память о себе и этом дне, проведенном им в нашей дружеской компании.

Но вот кто-то вытащил из лодки дупеля и начал разглядывать. Брем тотчас взял его и, перебирая в руках, сказал с немецким акцентом.

- Эта молода.

Мои товарищи тоже повертели в руках долгоносика, повыдер-

гивали с разных концов перья и, пробуя отмякшие зорьки, как бы неохотно или сомневаясь, но в угоду Брему, подтвердили слова натуралиста.

Я же, вспомнив приемы моего отца, известного охотника своего времени, заметил, что все господа сотоварищи, кажется, ошибаются в определении, а потому взял этого же дупеля за одну нижнюю половинку носа (или клюва), потряс в руке и, видя, что половинка нисколько не поддается от тяжести всего долгоносика, а крепко держит тушку птицы, сказал.

Нет, господа, это старый! Не судите по перьям, хотя и они не говорят о его молодости; а вот это лучшее доказательство потому, что у молодого дупеля, особенно в такое раннее время, никогда нижняя часть клюва не выдержит всей тяжести птички и всегда изогнется, вот так. Я помню, как это дельвал мой отец и никогда не ошибался.

Тут Брем, хорошо следивший за моим приемом, встал в лодке на ноги, ударил меня дружески по плечу и громко сказал.

- Рихтиг! Рихтиг*! Это старый.

За ним согласились остальные товарищи и приняли к сведению такой практический прием; а мне стало как-то неловко не только перед знаменитым натуралистом, но и перед товарищами, так что я покраснел до ушей. Это тотчас заметил Брем и, снова похлопав меня по плечу, что-то сказал по-немецки, чего я недослышал от неуместного волнения и конфузливости.

IV

Но вот лодка наша повернулась по указанию Козлова направо, и мы въехали в устье крохотной речки Змейки. Летом она почти совсем пересыхает, так что водяной путь возможен по ней только в водополье. Берега ее поросли в некоторых пунктах редким лесом, кустами ольховника, черемушника и другими бережными растениями нашего края. Местами эта поросль так сплелась между собою ветвями, что всякому проезжающему приходится воевать с этим препятствием. Но это еще не так надоедает, как сгруппировавшиеся наносы из разного лесного хлама, которые набивает в речку большой водой. Тут одному или двум ничего не поделать и необходимо иногда работать несколькими силами. Так случилось и с нами: два или три заноса мы едва проехали, особенно с устья речки; когда же пробрались далее, то, не встретив уже никаких препятствий, весело поплыли между кустами, как по зеленой аллее.

---

* Верно, правильно.

Вдруг в одном месте сорвалась с берега большая водяная крыса, плюхнула в речку и бойко поплыла позади нашей лодки. Брем, увидав это интересное животное, затормошился в лодке, но никак не мог скоро поправиться, так как сидел к корме спиной. Тогда Турчанович быстро схватил свое ружье, бросил с накидки и успел убить крысу еще на воде, не дав ей ускользнуть на берег. Брем был крайне доволен, горячо благодарил лесничего и взял животное для определения вида и пополнения путевой коллекции.

Пробравшись на дупелиные места, мы снова отправились на охоту; но долгоносиков тут оказалось немного, и мы, походив по гривам, должны были пересечь опять на другие луга, залегающие по речке Песчанке.

С трудом выбравшись обратно по Змейке, мы скоро попали на Песчанку и приказали разложить огонь, чтобы вскипятить медные чайники, а сами пошли по дупелиным мочагам. Тут хоть и удалось нам попасть на хорошие гривы, но зато под вечер встретили такую массу комаров, целыми мириадами атаковавших охотников, что пришлось волей-неволей бросить охоту и поскорее без оглядки бежать к готовому уже табору, где, разложив кругом дымокуры, мы только этим путем сохранились от кровожадных комаров.

Укрывшись от них, мы еще раз с удовольствием напились чаю, весело побеседовали, прошлись по бутылочкам, закусили и решили ехать домой. Проходя все вместе к подготовленной лодке и уже садясь в нее, мы вдруг совершенно неожиданно заметили дупеля, сорвавшегося из-под самых ног пробирающегося на свое место Федота. Эта долгоносая каналья все время таилась около нашего привала и, вероятно, выслушивала занимательные рассказы красноречивого натуралиста. Дупель, отлетев несколько сажен вбок, тут же спустился в траву неподалеку от нас.

Брему тотчас подали ружье, он вылез из лодки, пошел по направлению полета зигзагами, скоро поднял его из травы, выдержал и на глазах всех мастерски срезал, так что дупелишка упал, как подкошенная былинка, на берег громадной Оби. Он был последним, 26-м, трофеем охоты Брема, а по общему счету всей добычи, 72-м долгоносиком, попавшим в нашу лодку.

Для такого времени летнего сезона, как половина июня, этого было весьма достаточно, тем более потому, что двое из нашей компании совсем почти не стреляли; г. Сандзеру дал одного дупеля Турчанович, чтоб нашему любезному перевод-

чику не зазорно было ходить между охотниками и таскать на плече ружье только ради приличия. Этот несчастный долгоносик болтался в единственном числе у аптекаря на самом видном месте, вызывая Брема на очень меткие остроты и воспоминания.

Что касается его лично, то он остался крайне доволен и упоминал, что ему в первый раз в жизни довелось убить в один день, да еще с такими промежутками, 26 дупелей. «Да, это возможно только в Сибири!» говорил Брем и нисколько не удивлялся тому, что в прежнее время, когда дичи было несравненно больше, многие наши охотники убивали в день более ста долгоносиков, и это всем известные факты в нашей обширной и богатой дичью палестине.

Весело выехав на большую воду и держа курс к Барнаулу, мы почти все время слушали нескончаемые повествования Брема. Тут он, между прочим, рассказал нам забавный эпизод из своих путешествий. Дело, видите, в том, что когда известный натуралист приехал на границу Испании, то его не пропускали и спрашивали о том, грамотный он или нет? Брем ответил просвещенной страже, что он мало-мало грамотен, и только тогда его пропустили внутрь страны.

Но вот весельчак Брем вынул из кармана белый платок, сложил его бантиком или, вернее сказать, пастырской манишкой, прилепил под шею на грудь, поверх дорожного пальто, принял позу пастора-проповедника и громко начал говорить речь как бы своим прихожанам. Вся суть его проповеди вертелась на буквах немецкой азбуки А, В, С, Д и т.д. и только! Но надо было видеть, с каким умением, азартом, остроумием делал он это подражание и копировал знаменитостей. Проповедь выходила так натуральна, так естественно внушительна, что даже люди, не знающие ни полбуквы по-немецки, с благоговением слушали комичного проповедника, поднимали глаза к небу и восторгались, особенно когда увлекшийся Брем все более и более входил в пафос; наконец, он встал на ноги, потрясающе произнес заключительные слова и в конце концов при слове «Амен» (Аминь), крепко ударил по плечу заливающегося смехом аптекаря, потом захохотал сам, уселся на место и, выдернув из-за борта пальто платок, закурил папиросу. Мы все громко аплодировали проповеднику; он сочувственно принял нашу овацию, как пастор, сложил на груди руки и комично благодарил увлекшихся слушателей.

Далее зашла речь о ружьях. Брем крайне хвалил свою централку и стрелял далеко по воде. Действительно, все выстрелы из его

Лейе заслуживали внимания, потому что дробь несло «бичом» на громадное расстояние, так что ни одно из наших с дула заряжающихся ружей не могло соперничать в этой пробе.

Но вот мы подъехали по Балдинской протоке к заимке госпожи Порецкой и хотели вылезти на берег, где невдалеке ожидали нас экипажи. Оказалось, что лодка не могла полойти к пологому и грязно-няшистому берегу. Пришлось соображать, что делать, всем мараться в грязи не хотелось. Выручил нас один из гребцов. Он сбросил с себя сапоги, панталоны и предложил перенести всех нас до крепкого берега на своей спине.

Брем захохотал и сначала не соглашался; он говорил, что малорослому сибиряку не унести на себе его здоровенную фигуру, что носильщик завянет под тяжестью и только вымарает его в грязи. Но крепкий сибиряк в свою очередь посмеялся над Бремом, сказав, что он унесет двух таких немцев, потому что они хоть и «вздушисты, да не хлебны».

Тогда Брем, балагурия, встал на сидульку лодки, затем уселся гребцу на «кукорки», как говорят сибиряки, комично попрощался с нами и, плавно «поехав» на человеке по грязи, запел известную строфу из немецкого романса - «Майн Либхен, вас вильст ду нох меер!»

Все хохотали и желали успеха при такой забавной переправе. Но вот, наконец, и мы благополучно очутились на берегу по тому же способу передвижения; Брем, встречая нас, смеялся до слез и говорил, что он объездил полсвета всевозможными способами, но на людях пришлось ему путешествовать только в Сибири, первый раз в жизни. Он братски потрепал по плечу переносчика, наговорил ему по-немецки всевозможных любезностей и пожелал большого здоровья.

Отправившись к лошадям пешком всей компанией, Брем запел немецкую песню, которую мы выучили во время путешествия на лодке. Несколько голосов подхватили веселый мотив, и окрестности заимки огласились таким бравурным аккордом, что хозяйка усадьбы выскочила со своими гостями на террасу и приветствовала нашу компанию.

Тут мы сели в экипажи, и Брем, в сопровождении двух товарищей, полетел на воронинском рысаке к Барнаулу, так что остальные на паре Федота едва держались за ним во весь мах.

Вспоминая это время, г. Сандзер и теперь со слезами на глазах говорит об этой поездке и симпатичной личности доктора Брема. Не забывает он и того, что подаренный ему дупель стоил ровно 25 рублей.

Через несколько дней после нашей охоты ученая экспедиция, покончив свои дела в Барнауле, простилась с нами и отправилась в дальнейшее путешествие к северу.

Да, трудно забыть те дни, которые пришлось провести в сообществе с этим милейшим человеком. Брем сразу приковывал к себе всякого как своими познаниями, бывалостью в мире и на житейском поприще, так и своей неподдельной любезностью и дружеской простотой в обращении. Невольно, глядя на него, составлялось понятие, что вот человек, который может быть образцом для современного человечества; поэтому незаметно вкрадывалась точно какая-то зависть и несбыточное желание быть ему подобным.

Когда он проездом был в Салаирском крае, то познакомился с доктором Засс, который, будучи хорошим охотником, любил еще заниматься естественными науками, собирал различные коллекции как по части сибирской флоры, фауны, минералогии и геологии, так занимался и метеорологическими исследованиями и наблюдениями, состоя членом обсервационного бюро.

Ныне г. Засс рассказал мне один комичный случай из посещения Салаира Бремом.

Дело в том, что перед самым отъездом Брема из Салаирского рудника, он завтракал у доктора и совсем простившись с хозяевами, выйдя садиться в дорожный тарантас, заметил особой породы ласточек, которых сибиряки называют «воронками» или «соколками». (Эти ласточки почти черного оперения, несколько более обыкновенных и с длинными черными крыльями.) Брем пожалел, что его ружье уложено и не готово к выстрелу; тогда любезный хозяин в ту же минуту вынес свою двухстволку, зарядил дробью и подал Брему.

Здесь надо заметить, что квартира доктора находилась на краю большой площади рудничного селения, где прежде стояла церковь, но потом за ветхостью была снесена, вследствие чего и образовалось большое пустое поле, на противоположном конце которого помещалась казенная кладовая, где занимал пост военный караул.

Брем, получив ружье, дождался реющих ласточек и, воспользовавшись удобным полетом, сделал замечательный дуплет - одним выстрелом убил наповал резвую птичку, а другим подстрелил вторую, она, пролетев несколько сажень, упала на площадь. Подобрал интересный для коллекции экземпляр, натуралист стоял у экипажа и рассматривал со вниманием птичку.

В это время к нему бойко подходит солдатик и говорит, что Брем задел его выстрелом: одна из дробинок попала в шинель.

Засс перевел жалобу солдатика.

Тогда натуралист, пресерьезно встав перед защитником отечества, сказал ему целую речь на немецком, конечно, диалекте. Это воззвание было так остроумно и вместе с тем комично, что все слушающие и понимающие язык умирали от хохота, а служака все время стоял, уже вытянувшись, перед оратором и только говорил.

- Слушаюсь, слушаюсь, Ваше Превосходительство!

Наконец, Брем снял шляпу, поклонился солдатiku и, снова простившись с Зассом и провожавшей семьей доктора, сел в тарантас.

Колокольчики зазвенели, пыль взвилась клубом и милейший человек, известный всему образованному миру Брем, покати́л по дороге к Томску. Все провожавшие только увидели, как он махал из тарантаса платком и снимал шляпу, выражая свое последнее «прости», а солдатик все еще стоял на месте и тупо глядел на уносящийся экипаж...

3 апреля 1886 г.

г. Барнаул
